

Киплинг

Слон-дитя Слоненок

Много–много лет тому назад, моя любимая, у слона не было хобота — только черноватый толстый нос, величиной с сапог; правда, слон мог поворачивать его из стороны в сторону, но не поднимал им никаких вещей. В это же время жил на свете очень молодой слон, слон–дитя. Он был страшно любопытен, а потому вечно всем задавал различные вопросы. Жил он в Африке, и никто в этой обширной стране не мог насытить его любопытства. Однажды он спросил своего рослого дядю страуса, почему самые лучшие перья растут у него на хвосте, а страус вместо ответа ударил его своей сильной лапой. Свою высокую тётю жирафу слонёнок спросил, откуда появились пятна на её шкуре, и эта тётка слонёнка лягнула его своим твёрдым–претвердым копытом. И все–таки молодой слон продолжал быть любопытным. Толстую гиппопотамиху он спросил, почему у неё такие красные глаза, она же ударила его своей толстой–претолстой ногой; тогда он спросил своего волосатого дядю бабуина, почему у дынь дынный вкус, и волосатый дядя бабуин шлёпнул его своей волосатой–преволосатой лапой. А все–таки слоника переполняло ненасытное любопытство. Он расспрашивал обо всем, что видел, слышал, чуял, осязал или обонял, и все дяди и тётки слона–ребёнка только толкали да били его; тем не менее в нем так и кипело неутолимое любопытство.

В одно прекрасное утро, во время приближения равноденствия, любопытный слон–дитя задал новый вопрос, которого раньше никогда не задавал. Он спросил: «Что подают крокодилу на обед?» И все сказали: «Тс!» — громким и опасливым шёпотом, потом начали колотить его и долгое время все колотили да колотили.

Наконец, когда наказание окончилось, слон–дитя увидел птицу колоколо; она сидела в середине тернового куста, который как бы говорил: «Погоди, погоди». И слоник сказал: «Мой отец бил меня; моя мать била меня; мои тётки и дяди меня колотили, и все за то, что я так ненасытно любопытен, а мне все–таки хочется знать, что крокодил ест за обедом?»

Колоколо–птица печально вскрикнула и сказала:

— Пойди к берегам большой серовато–зеленой тихой реки Лимпопо, окаймлённой деревьями, от которых заболевают лихорадкой, и тогда узнаешь.

На следующее же утро, когда от равноденствия не осталось и следа, любопытный слон–дитя, взяв сотню фунтов бананов (маленьких, коротких и жёлтых), тысячу фунтов стеблей сахарного тростника (длинных, лиловых), семнадцать дынь (зелёных, хрупких), сказал всем своим дорогим родственникам:

— Прощайте, я иду к серо–зеленой болотистой реке Лимпопо, затенённой деревьями, от которых веет лихорадкой, и увижу, чем обедает крокодил.

Все родственники поколотили его просто так, на счастье, и колотили долго, хотя он очень вежливо просил их перестать.

Наконец, слонёнок ушёл; ему было немного жарко, но он этому не удивлялся, ел дыни и бросал корки; ведь поднять–то их с земли он не мог.

Шёл он от города Грегема до Кимберлея, от Кимберлея до области Кама, от области же Кама направился на север и на запад и все время ел дыни; наконец, слон–дитя пришёл к берегу большой серо–зеленой болотистой реки Лимпопо, затенённой деревьями, от которых веет лихорадкой. Здесь все было так, как сказала птица колоколо.

Теперь, моя любимая, ты должна узнать и понять, что до этой самой недели, до этого самого дня, часа, даже до последней минутки любопытный слоник–дитя никогда не видывал крокодила и даже не знал, каков он на вид. Оттого–то ему и было так любопытно взглянуть на это создание.

Прежде всего он увидел двухцветного питона скал; эта огромная змея лежала, окружив своими кольцами камень.

— Извините за беспокойство, — очень вежливо сказал слон–дитя, — но, пожалуйста, ответьте мне, не видели ли вы где–нибудь в окрестностях что–нибудь вроде крокодила?

— Видел ли я крокодила? — ответил двухцветный питон скал голосом презрительным и злобным. — Ну, что ты ещё спросишь?

— Извините, — продолжал дитя–слон, — но не можете ли вы любезно сказать мне, что он кушает за обедом?

Двухцветный питон скал быстро развернулся и ударил слоника своим чешуйчатым, похожим на бич хвостом.

— Что за странность, — сказал слон–дитя, — мой отец и моя мать, мой дядя и тётя, уже не говоря о моей другой тётке, гиппопотамихе, и моем другом дяде, бабуине, били меня и лягали за моё ненасытное любопытство, а теперь, кажется, опять начинается то же самое.

Он очень вежливо простился с двухцветным питоном скал, помог ему обвить телом скалу и ушёл; слонику стало жарко, но он не чувствовал усталости; ел дыни и бросал корки, так как не мог их поднимать с земли. И вот слон–дитя наступил на что–то, как ему показалось, на бревно, лежавшее на самом берегу большой серо–зеленой болотистой реки Лимпопо, обросшей деревьями, от которых веет лихорадкой.

А это и был крокодил, моя любимая, и крокодил этот подмигнул одним глазком.

— Извините меня, — очень вежливо сказал слон–дитя, — но не видали ли вы где–нибудь поблизости крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом, приподняв из ила свой хвост; слон–дитя вежливо шагнул назад; ему не хотелось, чтобы его били.

— Подойди–ка сюда, малыш, — сказал крокодил. — Почему ты это спрашиваешь?

— Прошу извинения, — очень вежливо ответил слон–дитя, — но мой отец бил меня; моя мать меня била, словом, меня били все, не говоря уже о моем рослом дядюшке страусе и моей высокой тётушке жирафе, которые жестоко лягаются; не упоминая также о моей толстой тётке, гиппопотамихе, и моем волосатом дяде, бабуине, и включая двухцветного питона скал с его чешуйчатым, похожим на бич хвостом, который бьёт более всех остальных; итак, если вам не очень этого хочется, прошу вас не стегать меня хвостом.

— Поди сюда, малыш, — протянул крокодил, — дело в том, что я крокодил. — И чтобы доказать, что он говорит правду, крокодил заплакал крокодиловыми слезами.

Слон–дитя перестал дышать от удивления; потом, задыхаясь, опустился на берегу на колени и сказал:

— Именно вас я искал все эти долгие–долгие дни. Не согласитесь ли вы сказать, что вы кушаете за обедом?

— Подойди поближе, малыш, — сказал крокодил. — И я шепну тебе это на ушко.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Слон–дитя пододвинул свою голову к зубастой пасти крокодила, и крокодил схватил слонёнка за его короткий нос, который до той самой недели, до того дня, часа и до той минуты был не больше сапога, хотя и гораздо полезнее всякой обуви.

— Кажется, — сказал крокодил (он сказал это сквозь зубы), — кажется, сегодня я начну обед со слонёнка.

Услышав это, моя любимая, слоник почувствовал досаду и сказал в нос:

— Пусти! Мне больно!

Это слон–дитя; крокодил дёргает его за нос. Слоник очень удивлён и поражён, и ему также очень больно, и он говорит в нос: «Пусти, мне больно!» Он изо всех сил старается выдернуть свой нос из рта крокодила; крокодил же тащит слоника в другую сторону. Двухцветный питон скал плывёт на помощь слонёнку. Чёрные полосы и пятна — берега большой серо–зеленой тихой реки Лимпопо (мне не позволили раскрашивать картинки), и деревья с изогнутыми корнями и восемью листьями именно те деревья, от которых веет лихорадкой.

Ниже этой картинки нарисованы тени африканских животных, идущих в африканский ноев ковчег. Здесь два льва, два страуса, два быка, два верблюда, две овцы и много пар других животных, которые живут среди скал. Все эти звери ничего не значат. Я нарисовал их, так как они мне показались хорошенькими; а если бы мне позволили их раскрасить, они стали бы прямо прелестны.

В эту минуту двухцветный питон скал опустился с берега и сказал:

— Мой юный друг, если ты сейчас же не потянешь свой нос изо всех сил, я полагаю, твой новый знакомый, покрытый патентованной кожей (он подразумевал «крокодил»), утащит тебя в глубину этого прозрачного потока раньше, чем ты успеешь проговорить: «Джек Робинзон».

Именно таким образом всегда говорят двухцветные питоны скал.

Слон–дитя послушался питона скал; он присел на задние ножки и стал дёргать свой нос из пасти крокодила; он все дёргал да дёргал его, и нос слонёнка начал вытягиваться. Крокодил же возился и бил по воде своим большим хвостом, так что она пенилась; в то же время он тащил слоника за нос.

Нос слонёнка продолжал вытягиваться; слоник расставил все свои четыре ножки и не переставал дёргать свой нос из пасти крокодила, и его нос становился все длиннее и длиннее. Крокодил же водил по воде своим хвостом, как веслом, и все тянул да тянул слоника за нос; и каждый раз, как только он дёрнет за этот носик, тот сделается длиннее. Слонику было ужасно больно.

Вдруг слон–дитя почувствовал, что его ноги скользят; он так и поехал на них по дну; наконец, говоря в нос, который теперь вытянулся почти на пять футов, слонёнок выговорил: «С меня довольно!»

Двухцветный питон скал спустился в воду, обвил задние ноги слоника как бы двумя петлями каната и сказал:

— Неблагодарный и неопытный путешественник, с этой минуты мы серьёзно посвятим себя важному делу, постараемся тянуть твой нос изо всех сил, так как сдаётся мне, что этот самодвижущийся военный корабль с броней на верхней палубе (этими словами, моя любимая, он обозначал крокодила) будет мешать твоим дальнейшим движениям.

Все двухцветные питоны скал всегда говорят в таких запутанных выражениях.

Двухцветный питон тянул слоника; слон–дитя тянул свой нос; крокодил тоже тянул его; но слон–дитя и двухцветный питон скал тянули сильнее, чем крокодил, и тот, наконец, выпустил нос слона–ребёнка, при этом вода так плеснула, что этот плеск можно было услышать по всей длине реки Лимпопо, вверх и вниз по течению.

В то же время слон–дитя внезапно сел, вернее, шлёпнулся в воду, но перед этим сказал питону: «Благодарю!» Затем он позаботился о своём бедном носе, за который его так долго дёргали, завернул его в свежие банановые листья и опустил в воду большой серо–зеленой тихой реки Лимпопо.

— Зачем ты это делаешь? — спросил его двухцветный питон скал.

— Прошу прощения, — ответил слон–дитя, — но мой нос совсем потерял свою форму, и я жду, чтобы он сморщился и уменьшился.

— Долго же тебе придётся ждать, — сказал двухцветный питон скал. — А все–таки замечу, что многие не понимают своих выгод.

Три дня слон–дитя сидел и ждал, чтобы его нос уменьшился. Но этот нос не делался короче; кроме того, ему приходилось жестоко косить глазами. Моя любимая, ты поймёшь, что крокодил вытянул нос слоника в самый настоящий хобот, вроде тех, какие ты увидишь теперь у всех слонов.

Здесь нарисован слон–дитя в ту минуту, когда он собирается нарвать своим прекрасным новым длинным хоботом бананов с вершины бананового дерева. Я не нахожу эту картинку хорошей, но не мог нарисовать её лучше, потому что рисовать слонов и бананы очень–очень трудно. Позади слонёнка ты видишь черноту, а по ней полосы; я хотел изобразить так топкую болотистую местность где–то в Африке. Большую часть своих лепёшек слон–дитя делал из ила, который доставал именно из этих болот. Мне кажется, картинка станет гораздо красивее, если ты раскрасишь банановое дерево зеленой краской, а слоника — красной.

На третий день прилетела муха цеце и укусила слоника в плечо. Слоник же, сам не понимая, что он делает, поднял свой хобот и его концом убил муху.

— Выгода номер один, — сказал двухцветный питон скал. — Ты не мог бы этого сделать своим носом–коротышкой. Ну, теперь попробуй поесть.

Ещё не успев подумать, что он делает, слон–дитя протянул свой хобот, сорвал большой пучок травы, поколотил эти зеленые стебли о свои передние ноги, чтобы сбросить с них пыль, и, наконец, засунул их себе в рот.

— Выгода номер два, — сказал двухцветный питон скал. — Ты не мог бы сделать этого своим носом–коротышкой. Как тебе кажется, не слишком ли печёт солнце?

— Да, — согласился слон–дитя и, ещё не успев подумать, что он делает, зачерпнул из серо–зеленой болотистой реки Лимпопо ила и намазал им свою голову; из ила получилась прохладная илистая шляпа; вода с неё текла за ушами слона–ребёнка.

— Выгода номер три, — сказал двухцветный питон скал. — Ты не мог бы сделать этого своим прежним носом–коротышкой. Ну а что ты скажешь насчёт колотушек, которыми тебя угощали? Опять начнётся прежнее?

— Прошу извинения, — сказал слон–дитя, — мне совсем не хочется этого.

— Не приятно ли будет тебе поколотить кого–нибудь? — спросил слоника двухцветный питон скал.

— Мне очень хотелось бы этого, — ответил слон–дитя.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

— Хорошо, — проговорил двухцветный питон скал, — ты увидишь, что твой новый нос окажется полезным, когда ты вздумаешь поколотить им кого-либо.

— Благодарю, — сказал слон-дитя, — я это запомню, а теперь пойду домой, к моим дорогим родственникам, и посмотрю, что будет дальше.

Слон-дитя действительно пошёл к себе домой через Африку; он помахивал и крутил своим хоботом. Когда ему хотелось поесть плодов с деревьев, он доставал их с высоких ветвей; ему не приходилось, как прежде, ждать, чтобы плоды эти падали на землю. Когда ему хотелось травы, он рвал её с земли и ему не нужно было опускаться на колени, как он делал это в прежнее время. Когда его кусали мухи, он срывал с дерева ветку и превращал её в опахало; когда солнце жгло ему голову, он делал себе новую прохладную влажную шляпу из ила или глины. Когда ему делалось скучно, он пел, вернее, трубил через свой хобот, и эта песня звучала громче, тем музыка нескольких духовых оркестров. Он умышленно сделал крюк, чтобы повидаться с толстой гиппопотамихой (она не была в родстве с ним), и сильно отколотил её хоботом, чтобы посмотреть, правду ли сказал двухцветный питон скал. Весь остаток времени он подбирал с земли дынные корки, которые побросал по дороге к Лимпопо. Он делал это потому, что был очень опрятным животным из рода толстокожих.

В один тёмный вечер слон-дитя вернулся к своим дорогим родственникам, свернул свой хобот в кольцо и сказал:

— Как вы поживаете?

Все они были очень рады повидаться с ним и тотчас же сказали:

— Подойди-ка поближе, мы отшлёпаем тебя за твоё неуголимое любопытство.

— Ба, — сказал слон-дитя, — я не думаю, чтобы кто-нибудь из вас умел драться; вот я умею колотить и сейчас научу вас этому.

Тут он выпрямил свой хобот, ударил двоих из своих милых родственников, да так сильно, что они полетели кувырком.

— Чудеса, — сказали они, — где ты выучился такой штуке? И скажи на милость, что ты сделал со своим носом?

— Крокодил устроил мне новый нос, и это случилось на берегу большой серо-зеленой болотистой реки Лимпопо, — ответил слон-дитя. — Я его спросил, что у него бывает на обед, а он за это вытянул мой нос.

— Какое безобразие! — заметил бабуин, волосатый дядя слонёнка.

— Некрасив-то он некрасив, — сказал слон-дитя, — но очень удобен, — и, говоря это, слонёнок обхватил хоботом одну ногу своего волосатого дядюшки, поднял его и посадил в осиное гнездо.

После этого дурной слонёнок долго колотил всех своих дорогих родственников, колотил до тех пор, пока им не стало очень жарко. Они были донельзя удивлены. Слонёнок подёргал своего высокого дядю страуса за его хвостовые перья; поймал свою рослую тётушку жирафу за её заднюю ногу и протащил её через колючий терновый куст; когда его толстая тётка, гиппопотамиха, покушав, отдыхала в воде, он приставил свой хобот к самому её уху, крикнул ей два-три слова, в то же время пустив несколько пузырьков через воду. Но ни в это время, ни позже, никогда никому не позволял обидеть птицу колоколо.

Наконец, все милые родственники слонёнка начали так волноваться, что один за другим побежали к берегам большой серо-зеленой болотистой реки Лимпопо, затенённой деревьями, от которых веет лихорадкой; каждый из них хотел получить новый нос от крокодила. Когда они вернулись домой, они уже не колотили друг друга; дядюшки и тётушки не трогали также и слонёнка. С этого дня, моя любимая, у всех слонов, которых ты увидишь, и у всех, которых не увидишь, есть предлинные хоботы, совершенно такие, какой появился у любопытного слонёнка.

Альтернативный перевод:

1. Слоненок (Слонёнок)